

На правах рукописи

Галяшин Николай Викторович

**Англосаксонская модель производных доказательств (Hearsay) и
возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве**

12.00.09 – Уголовный процесс

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Москва – 2016

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Кипнис Николай Матвеевич

Официальные оппоненты: **Победкин Александр Викторович**
доктор юридических наук, профессор,
Министерство внутренних дел Российской Федерации,
Департамент государственной службы и кадров,
Управление организации подготовки кадров,
заместитель начальника

Конин Владимир Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, АНОВО
«Международный Университет в Москве»,
Калининградский филиал, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»**

Защита диссертации состоится «03» ноября 2016 года в «14:00» на заседании диссертационного совета Д.212.123.01 на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по адресу: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, зал диссертационного совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Полный текст диссертации, автореферат диссертации, а также отзыв научного руководителя размещены на сайте Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА): <http://www.msal.ru/content/ob-universitete/sovety/dissertatsionnye-sovety/podrobnye-svedeniya-o-zashchitakh-2016/>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, доцент

Зорикто Борисович Соктоев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. В современных условиях, когда защита прав любого лица, в том числе и обвиняемого, ставится в системе общемировых ценностей достаточно высоко, уголовно-процессуальные нормы могут рассматриваться как важный защитительный механизм, что следует из анализа международных актов, посвященных защите прав человека, а потому нуждаются в совершенствовании. Особый интерес в отечественной юридической науке проявляется к отдельным способам получения производных доказательств по уголовным делам и процессуальным средствам проверки их достоверности, что находится в едином русле с развитием соответствующих направлений европейской науки и прецедентной практикой Европейского Суда по правам человека.

Среди многочисленных жалоб, поступающих в Европейский Суд по правам человека, значительное количество занимают жалобы граждан в связи с нарушением, по их мнению, прав человека, гарантированных Конвенцией «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года, в том числе права на допрос свидетеля, показывающего против обвиняемого, и права на справедливое судебное разбирательство, которые могут рассматриваться в системной взаимосвязи. Формулируемые Европейским Судом по правам человека правовые позиции по этим жалобам позволяют по-новому взглянуть на многие привычные правовые институты уголовно-процессуального права. К таковым можно отнести и оценку вторичных (производных) доказательств как правовой категории, и критерии их допустимости в уголовном процессе.

Основная опасность при использовании производных доказательств в уголовном судопроизводстве состоит в возможности, в том числе непреднамеренного, существенного искажения и изменения доказательственно значимой информации при ее опосредовании различными передаточными звеньями. Недоступность первоисточника информации для непосредственного исследования и оценки судом может нарушить право обвиняемого на

справедливое судебное разбирательство и право на то, чтобы допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены (пункт 1 и подпункт “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года).

Обобщение прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, выраженной в решениях, принятых по жалобам против стран - участниц Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года, позволяет значительно расширить существующие научные представления об отдельных видах доказательств, к числу которых относятся и производные доказательства категории “Hearsay”.

Отсутствие определённых критериев оценки производных доказательств, незначительное и формальное регламентирование отечественным законодателем надлежащих источников приводит к почти ничем не ограниченному свободному усмотрению судей при решении вопросов использования их в доказывании, что приводит к противоречию судебных решений в идентичных ситуациях и к оценкам судебного разбирательства как несправедливого.

Об актуальности диссертационного исследования свидетельствуют и законодательные новеллы (Федеральный закон от 02 марта 2016 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в статью 281 уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), которые принципиально по-новому заставляют рассмотреть оценку производных доказательств и несомненно обуславливают актуальность исследования.

Понятие производного доказательства, широко используемое в отечественной правоприменительной практике и научной литературе, законодательно не закреплено, а вопросы правомерности использования в доказывании по уголовным делам непервичных доказательств, включая показания отсутствующих свидетелей, потерпевших, копии документов, аудио- и видеозаписей остаются остро дискуссионными или недостаточно исследованными. Это обстоятельство не умаляет значения глубокого теоретического обоснования российскими учеными института допустимости

доказательств, но и не снимает научной задачи нового осмысления их отдельных аспектов путем сопоставления с соответствующими зарубежными институтами.

Изучение производных доказательств “Hearsay” с учетом международно-правовой практики позволяет выработать новые научные и практические подходы к допустимости производных доказательств в судебном разбирательстве, осуществляемом в настоящее время на основе принципов равенства и состязательности, свободы оценки доказательств, презумпции невиновности, обеспечения прав и свобод личности.

Степень научной разработанности. Изучение производных доказательств в контексте обеспечения права обвиняемого на допрос показывающего против него свидетеля и права на справедливое судебное разбирательство не было предметом самостоятельного монографического исследования отечественных правоведов. Дискуссионные вопросы применения положений ст. 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года и практике Европейского Суда по правам человека рассматривались в работах С.Ф. Афанасьева, Л.А. Воскобитовой, М.Р. Воскобитовой, Л.В. Головки, О.В. Девятовой, Н.М. Кипниса, П.А. Лаптева, И.В. Лаптевой, С.А. Насонова, В.Я. Неказакова, А.Л. Осипова, О.В. Садчиковой, А.С. Симагина, Е.Г. Тарло, Д.В. Юзвикова, а также других известных отечественных ученых-процессуалистов.

Проблематике производных доказательств в отечественной науке посвящено лишь несколько научных работ, а именно: Ф.М. Кудина «Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе» 1966 года; монография Н.М. Кипниса «Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве» 1995 года; Р.А. Бостанова «Использование производных доказательств в уголовном судопроизводстве России» 2012 года. Отдельные вопросы англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” и их допустимости рассматривались в диссертации В.А. Ковалева «Английская система судебных доказательств» 1975 года, в диссертации И.Ф. Машленко «Проблема допустимости доказательств в уголовном процессе США» 1988 года, а также в диссертации Т.А. Лоскутовой «Свидетель и его показания в уголовном

процессе Англии и США» 2006 года. Вопрос о допустимости заключения эксперта, полученного на досудебной стадии процесса, оцениваемого по доказательственному правилу “Hearsay”, с рядом исключений из него, рассматривает Е.Ю. Самутичева в диссертации «Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование)» 2016 года.

Проблемам допустимости производных доказательств “Hearsay” в зарубежной литературе посвящены работы многих зарубежных правоведов, среди которых J. F. Archbold, R. Cross, J. Jackson, E. M. Morgan, C.T. McCornick, J.R. Spencer, C.Tapper, J.F. Thayer, J.H. Wigmore, G. Williams, A. Zuckerman и др.

Такая сравнительно небольшая научная разработка теоретической базы института производных доказательств как сегмента доказательственного права в рассматриваемом аспекте обусловлена пробелами в нормативном регулировании и отсутствием унификации судебной и следственной практики. Остаются дискуссионными вопросы оценки допустимости таких производных доказательств как показания, полученные со слов, их регламентация в контексте недоступности первоисточника для непосредственного исследования в судебном разбирательстве.

Цель и задачи диссертационного исследования – сформулировать и обосновать совокупность взаимосвязанных научных положений и теоретических выводов относительно критериев допустимости производных доказательств и их регламентации в контексте недоступности первоисточника для непосредственного исследования в судебном разбирательстве.

При этом, указанные выводы формируются на основе изучения англосаксонской модели производных доказательств (Hearsay) и ее преломления в практике Европейского Суда по правам человека, в том числе и с учетом изменений в ст. 281 УПК РФ.

Кроме того, целью исследования является разработка предложений, направленных на дополнение и уточнение уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также совершенствование

практической деятельности по исследованию производных доказательств в уголовном судопроизводстве.

Указанные цели обусловили постановку и решение следующих *задач*:

1. Исследовать особенности института англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” в доктрине доказательственного права, в законодательстве и судебной практике Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее – Соединенного Королевства) и Соединенных Штатов Америки (далее – США), определить правовую сущность и доказательственное значение сведений, полученных со слов допрашиваемого лица, относящихся к категории “Hearsay”.

2. Исследовать ретроспективу развития системы производных доказательств, получаемых со слов допрашиваемого лица, в уголовном судопроизводстве России.

3. Проанализировать роль и место производных доказательств в российском доказательственном праве в их сопоставлении с выработанными в практике Европейского Суда по правам человека критериями, гарантирующими каждому при предъявлении ему любого уголовного обвинения право на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом, с учетом того, что судебное разбирательство не может быть признано справедливым, если нарушено право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены (подпункт “d” пункта 3, пункт 1 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года).

4. Изучить и обобщить судебную практику, в том числе прецедентную практику Европейского Суда по правам человека, в части соответствия процедуры использования производных доказательств пункту 1 и подпункту “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года, а также проанализировать действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации и отечественную

судебную практику в контексте указанных правовых позиций Европейского Суда по правам человека.

5. Выявить существующие законодательные пробелы и трудности правоприменения при исследовании производных доказательств, получаемых со слов допрашиваемого лица, в ходе судебного разбирательства уголовного дела.

6. Сформулировать предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики судебного разбирательства уголовных дел.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве при рассмотрении уголовного дела в суде первой и второй инстанции в части оценки производных доказательств.

Предметом исследования являются: нормы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и стран англосаксонской правовой семьи, научные публикации российских и зарубежных ученых, в которых затрагиваются вопросы формирования и оценки производных доказательств в уголовном судопроизводстве; практика исследования и оценки производных доказательств, полученных со слов участника процесса, в судебном разбирательстве уголовных дел.

Методология и методы исследования. В качестве методологической основы диссертационного исследования выступают диалектический, догматический (формально-логический), системный, сравнительно-правовой, историко-правовой и другие методы исследования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных процессуалистов по общим вопросам доказательственного права, а именно: Ю.А. Афанасьева, Б.Т. Безлепкина, Ш.Р. Валиева, Л.М. Володиной, М.Р. Воскобитовой, Л.А. Воскобитовой, А.Я. Вышинского, Е.А. Доли, В.Я. Дорохова, К.Б. Калиновского, Н.М. Кипниса, В.П. Колмакова, В.В. Кониная, В.М. Корнукова, П.А. Lupинской, Л.Н. Масленниковой, А.В. Победкина, А.В. Смирнова, М.С. Строговича, М.А. Чельцова, С.А. Шейфера; а также работы Р.А. Бостанова, И.А.

Зинченко, Н.М. Кипниса, В.А. Ковалева, Ф.М. Кудина, Т.А. Лоскутовой, И.Ф. Машленко, касающиеся отдельных аспектов использования производных доказательств в отечественном и англо-американском уголовных процессах; а также труды зарубежных правоведов R. Glover, P. Murphy, P. Roberts, J.R. Spencer, J.W. Strong, A. Zuckerman, касающиеся института допустимости производных доказательств категории “Hearsay” в уголовном судопроизводстве.

Нормативно-правовую базу диссертационного исследования составляют – международно-правовые акты в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1960 г., Законы Соединенного Королевства об уголовной юстиции 1988, 2003 гг., Конституция США 1787 г., Билль о правах 1791 г., Федеральные правила доказывания США, Федеральные правила уголовного процесса США.

При проведении исследования автор опирался на постановления Пленума Верховного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства, правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также Европейского Суда по правам человека.

Эмпирической базой диссертации являются:

– материалы судебной практики за 2002-2016 гг., размещенные в справочно-правовых системах «КонсультантПлюс», «Гарант», «Право.ru», а также в ГАС РФ «Правосудие»;

– материалы судебной практики за 1965-2016 гг., размещенные в справочно-правовых системах «uscourts.gov», «law.cornell.edu», «supreme.justia.com», «caselaw.findlaw.com», «iclr.co.uk», «accesstolaw.com»;

– материалы более 300 уголовных дел, находившихся в производстве судов г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области за период с 2004 по 2016 гг.;

– 87 постановлений и материалов Европейского Суда по правам человека.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что автором впервые на монографическом уровне комплексно исследованы

теоретические и научно-практические вопросы использования в судебном разбирательстве по уголовным делам производных доказательств, полученных со слов участников уголовного процесса. Новизна научного исследования также определяется тем, что автор подверг серьезному критическому анализу десятилетиями устоявшуюся в отечественной науке концепцию производных доказательств и обосновал необходимость ее основательного переосмысления и развития с учетом современных реалий отечественной правоприменительной практики и правовой позиции Европейского Суда по правам человека, базирующейся на англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay”.

На основе обобщения отечественной и зарубежной практики судебного разбирательства уголовных дел, прецедентной практики Европейского Суда по правам человека автором впервые на монографическом уровне обоснованы критерии правомерности использования в доказывании вторичных (производных) доказательств, включая показания отсутствующего свидетеля, которые должны учитываться российскими судами во избежание нарушения положений пункта 1 («право на справедливое судебное разбирательство») и подпункта “d” пункта 3 («право каждого обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены») статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года.

Новизна исследования также обусловлена авторским подходом к выделению в отечественной доктринальной классификации доказательств особого вида - производных доказательств, полученных со слов, которые могут быть сопоставлены с “Hearsay” в контексте прецедентной практики Европейского Суда по правам человека.

Впервые выявлены имеющиеся законодательные пробелы и трудности правоприменения при исследовании производных доказательств, полученных со слов участника процесса, сформулированы предложения, направленные на уточнение и дополнение норм УПК РФ, а также рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной практики судебного разбирательства

уголовных дел с учетом подходов Европейского Суда по правам человека при решении вопроса об использовании в доказывании сведений, полученных не из первоисточника.

На защиту выносятся следующие научные положения, выводы и рекомендации:

1. Теоретические выводы о том, что:

1.1. Отечественная доктринальная классификация доказательств может быть развита и дополнена категорией производных доказательств, полученных со слов, с учетом особенностей англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay”. Под производными доказательствами “Hearsay” в доктрине права Соединенного Королевства понимаются сведения, полученные с «чужих слов», и вне допроса в судебном заседании свидетеля (потерпевшего, эксперта). В доктрине права США – это любые показания свидетеля (потерпевшего), которые получены вне очной ставки и которые не были или не могут быть подвергнуты проверке в ходе перекрестного допроса. В доктрине российского доказательственного права к производным доказательствам, полученным со слов, которые могут быть сопоставлены с “Hearsay” в контексте прецедентной практики Европейского Суда по правам человека, следует отнести сведения в пересказе (озвучивании) сообщений других лиц, а также фактические данные, содержащиеся в оглашенных показаниях потерпевшего, свидетеля, обвиняемого, в оглашенном заключении эксперта (специалиста), а также аудио- и видеозаписях показаний.

1.2. Существенными признаками производного доказательства, полученного со слов (“Hearsay”), выступает познание, обусловленное человеческим восприятием и памятью, а также возможность искажения исходной информации при ее передаче от человека-первоисточника к человеку-приемнику по устному каналу коммуникации или при отображении словесной информации на материальном носителе. По отношению к источнику – это производное доказательство. Доброкачество производного доказательства определяется точностью отражения исходной информации при ее производности. В судебном

разбирательстве использование производных доказательств, полученных со слов участника уголовного судопроизводства, обеспечивается процессуальными гарантиями проверки их достоверности всеми предусмотренными законом способами.

1.3. Англосаксонская модель “Hearsay” применяется по гораздо более сложным правилам, чем использование производных доказательств в уголовном процессе России, что может выражаться в разнообразных формах, например, в общем для первоначального и производного доказательства источнике, в возможности использования одного и того же доказательства для доказывания одних фактов и запрета для доказывания других. Методология доказывания с использованием модели “Hearsay” позволяет ограничить усмотрение судей при решении вопроса о допустимости производных доказательств.

1.4. Ретроспектива исследования института производных доказательств в российском уголовном судопроизводстве свидетельствует о том, что приоритет прав и свобод личности и принцип непосредственности исследования доказательств исторически обусловил необходимость представления для исследования судом первоисточника, ограничивая дискрецию суда по использованию в доказывании производных доказательств конкретными условиями и обстоятельствами, регламентированными российским уголовно-процессуальным законом.

1.5. Приоритет прав и свобод личности и ратификация международно-правовых документов в этой области сместил акцент справедливости судебного разбирательства на стадию производства по уголовному делу в суде первой и второй инстанции, поскольку лицо признается виновным только судом, который обладает исключительными полномочиями по отправлению правосудия. Доктринально рассматривать проблему использования в российском уголовном судопроизводстве элементов англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” можно только применительно к стадии судебного разбирательства уголовного дела.

1.6. Англосаксонская модель “Hearsay” не противоречит п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ и сложившимся в российской процессуальной теории доказательствам представлениям о допустимости производных доказательств, но способствует более правильному и точному толкованию российской нормы, формированию методологии доказывания на основе международных стандартов справедливого судебного разбирательства.

1.7. Принципиальное различие англосаксонской и континентальной (смешанной) правовых систем и существующие в них различные правила оценки доказательств не влияют на понимание того, что личность является высшей ценностью, и защита ее прав является приоритетной задачей любого государства. Методология использования в судебном разбирательстве производных доказательств в условиях недоступности первоисточника основана на международном стандарте справедливости судебного разбирательства.

1.8. Англосаксонская модель производных доказательств может быть соотнесена с процедурой оглашения в суде показаний, полученных на предшествующих стадиях производства по уголовному делу. Данный институт является исключением из непосредственного исследования судом доказательств и призван обеспечивать процессуальное равновесие между интересами обвинения и защиты. Недостаточность правового регламентирования использования производных доказательств в уголовном процессе России и, как следствие – противоречивость правоприменения влекут нарушение права на справедливое судебное разбирательство.

2. Предложения по изменению и дополнению УПК РФ, направленные на:

– уточнение процессуальных действий по исследованию отдельных видов доказательств в судебном разбирательстве по уголовному делу: суд заслушивает показания эксперта, показания специалиста, оглашает заключение эксперта, заключение специалиста (часть 1 ст. 240 УПК РФ);

- уточнение перечня оглашаемых судом доказательств, учитывая, что заключение специалиста является самостоятельным видом доказательств (ст. 285 УПК РФ);

- уточнение и дополнение нормативного закрепления перечня доказательств, которые не допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде; показания подозреваемого, обвиняемого в случае признания им своей вины или согласия с предъявленным обвинением, данные им в отношении соучастников; показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, показаниях со слов других лиц и не основанные на личных наблюдениях и знаниях; показания, данные руководителем следственного органа, следователем, руководителем органа дознания, дознавателем, прокурором, судьей, оперативным сотрудником или другим лицом относительно содержания объяснений или показаний участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, предоставленных следователю, прокурору или оперативному сотруднику при осуществлении ими уголовного производства (часть 2 ст. 75 УПК РФ);

- нормативное закрепление условий допустимости в качестве доказательств показаний потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, которые дают показания, не основанные на личных наблюдениях и знаниях (со слов других лиц), по обоснованному усмотрению председательствующего судьи: в случае смерти, а равно при признании умершим или безвестно отсутствующим, при наличии тяжелого физического или психологического расстройства (подтвержденного медицинским документом), препятствующего даче показаний, а равно при признании невменяемым лица, чьи показания воспроизводятся допрашиваемым лицом; а также в случае отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд (часть 3 ст. 75 УПК РФ).

3. Рекомендации, направленные на совершенствование правоприменительной практики судебного разбирательства уголовных дел.

3.1. Оглашение показаний потерпевшего (свидетеля), эксперта (специалиста) возможно лишь в силу конкретно указанных в законе условий, перечень которых носит закрытый характер и не подлежит расширительному толкованию, при этом судом приняты все меры, в том числе процессуального принуждения, для обеспечения явки вызванного для допроса лица.

3.2. Показания свидетеля (потерпевшего, эксперта, специалиста), не явившегося в судебное заседание, полученные при производстве дознания или предварительного следствия, могут быть положены в основу приговора только при соблюдении следующих условий:

- для неявки в судебное заседание потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста должны быть уважительные причины;
- суд должен предпринять эффективные и действенные меры по обеспечению явки потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста;
- не явившееся в судебное заседание лицо не должно быть ключевым «свидетелем», чьи показания имеют решающее значение для дела;
- приговор не должен быть основан полностью или даже большей частью на показаниях данного лица.

3.3. Фактические данные, содержащиеся в производном доказательстве, полученном в форме озвучивания «чужих слов», могут быть положены в основу выводов и решений по делу лишь после одновременной оценки их допустимости и достоверности с учетом того, насколько это доказательство надежно и насколько оно подтверждается другими доказательствами в деле. В случае включения производного доказательства категории «с чужих слов» в доказательственную базу суду следует устанавливать источник осведомленности лица, дающего показания, оценивать обстоятельства получения доказательства со слов другого лица, проверять, заслуживает ли источник, со слов которого озвучивается информация, доверие, оценивать достоверность озвученной информации и возможность ее искажения при пересказе.

3.4. Разрешение вопроса о допустимости доказательства “Hearsay” следует соотносить с правом обвиняемого и его защитника задать необходимые, по их мнению, вопросы свидетелю (потерпевшему), эксперту (специалисту) на любом этапе уголовного процесса.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Автором проведен глубокий поиск отечественной и иностранной научной литературы, проанализированы многочисленные уголовные дела и судебные акты, собрана обширная библиография. В диссертационном исследовании определяются положения, которые не получили должного рассмотрения в научной литературе, действующем уголовно-процессуальном законодательстве, судебной практике. Сделанные автором выводы дают ответы на имеющиеся в теории вопросы о сущности и правовой регламентации производных доказательств “Hearsay”, которые рассматриваются комплексно, с отражением их содержания в теоретическом, историческом, сравнительно-правовом и других аспектах; в том, что положения диссертационного исследования расширяют познания в уголовно-процессуальной науке и науке доказательственного права об институте допустимости доказательств и могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Практическая значимость настоящего диссертационного исследования обусловлена его прикладным характером, что дает возможность применения его результатов для совершенствования законодательства и унификации судебной практики по рассматриваемому вопросу. Результаты исследования нацелены на практические выводы: совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности. Кроме того, они могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности, в учебном процессе высших юридических образовательных учреждений по курсу «Уголовный процесс», специальному курсу «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», а также при повышении квалификации практических работников, подготовке комментариев к УПК РФ.

Степень достоверности и обоснованность сформулированных в диссертации положений, обусловлены использованием системного подхода к исследованию проблемы обеспечения процессуальных гарантий использования в судебном разбирательстве производных доказательств, полученных со слов участника уголовного судопроизводства, в том числе и с учетом исторически сложившихся научных представлений о производных доказательствах в России и странах англосаксонской правовой семьи; анализом эмпирической базы, адекватной цели и задачам исследования, изучением большого количества научных источников, в том числе иностранных авторов на языке оригинала; апробацией наиболее важных результатов исследования. Достоверность исследования поддерживается нормативной основой диссертации, а также соотносительностью полученных выводов с практикой оценки производных доказательств в российском уголовном судопроизводстве и постановлениях Европейского Суда по правам человека, вынесенным по жалобам в отношении Российской Федерации.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), где проводилось ее обсуждение и рецензирование.

Основные положения настоящего диссертационного исследования получили свое отражение в 10 публикациях научных статей, тезисах выступлений на конференциях, в том числе в 4 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ; в конкурсе на лучшую публикацию в журнале «Актуальные проблемы российского права», опубликованная в 2014 году, статья «Процедура использования свидетельских показаний в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи и производные доказательства в современном уголовно-процессуальном праве» заняла 3 (третье) место в номинации «Лучшая статья молодого ученого (у автора на момент публикации нет ученой степени)».

Научно-практические положения и практические выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на международных, всероссийских и межвузовских конференциях, в том числе в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в МГУ имени М.В. Ломоносова (Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов») и др. Результаты диссертационного исследования были использованы в учебном процессе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) при проведении практических занятий по курсу «Уголовный процесс», а также внедрены в практическую деятельность ряда адвокатских образований и правозащитных организаций.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; характеризуется степень ее разработанности; определяются цель, задачи, объект, предмет, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования; раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о степени достоверности, научной обоснованности и об апробации результатов работы.

Первая глава «Институт производных доказательств (“Hearsay”) в англосаксонском праве – Соединённого Королевства Великобритания и Северной Ирландии и Соединенных Штатов Америки» включает два параграфа и посвящена исследованию особенностей института англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” в доктрине доказательственного права, в законодательстве и судебной практике Соединенного Королевства и США.

В первом параграфе «Становление и развитие правила о недопустимости производных доказательств (“Hearsay”)» проводится ретроспективный анализ становления и развития правила о недопустимости производных доказательств категории (“Hearsay”) в доказательственном праве Соединенного Королевства и США.

Отмечается, что исторически в Соединенном Королевстве и США правила о допустимости доказательств рассматривались не как средство защиты прав обвиняемого, но как принцип, которым надлежит руководствоваться беспристрастному судье, определяющему пределы честной и справедливой состязательности сторон в суде, чтобы жюри присяжных могло разрешить дело, основываясь на относимых доказательствах, достоверность которых не вызывает сомнений. С XX века принимаются судебные решения и законы, которые закрепляют правила о недопустимости доказательств в качестве процедур, защищающих обвиняемого от нарушения права на защиту.

В указанном параграфе формулируется вывод о том, что правило о недопустимости доказательств “Hearsay” с рядом исключений из него развивалось

на протяжении многих столетий и в своем развитии претерпевало множество изменений по мере совершенствования юридической техники и судебной практики, а также права и общества в целом.

Во втором параграфе «Производные доказательства (“Hearsay”) и их оценка в уголовно-процессуальном праве Соединенного Королевства и США» англосаксонская модель производных доказательств “Hearsay” рассматривается в доктрине доказательственного права, в законодательстве и судебной практике Соединенного Королевства и США. Автором определяется правовая сущность и доказательственное значение сведений, полученных со слов допрашиваемого лица, относящихся к “Hearsay”.

Англосаксонская модель производных доказательств “Hearsay” формировалась как один из базисных элементов принципа состязательности уголовного процесса, в связи с чем она имеет подробную законодательную и прецедентную регламентацию.

В работе обосновывается вывод о том, что специфика англосаксонского доказательственного права в значительной степени проистекает из классической для этой правовой системы модели судебного разбирательства, в которой факты устанавливаются присяжными на основании показаний свидетелей, данных устно и непосредственно в судебном заседании. Допрос свидетелей происходит в присутствии присяжных и ведется сторонами. Судья регулирует процесс представления доказательств на основе положений доказательственного права, но не играет активной роли в допросе свидетелей или оценке достоверности доказательств. В англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” заключено важнейшее назначение доказательственного права – не допустить того, чтобы присяжные услышали показания, которые могут привести их к вынесению необъективного приговора. В части изъятий из правила недопустимости доказательств “Hearsay” исключения из правового запрета представляют собой сложный институт принятия судом решения о возможной допустимости конкретного доказательства одновременно с оценкой его достоверности, исходя из условий и обстоятельств получения, а также значимости для дела.

Вторая глава «Производные доказательства в уголовном судопроизводстве Российской Федерации» объединяет пять параграфов.

В первом параграфе «Исторические предпосылки возникновения производных доказательств» автор исследует историческое развитие законодательства и научной базы по оценке производных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Институты доказательственного права России, как и все российское право в целом, с течением времени претерпевали значительные и разительные изменения, которые, в конечном итоге, привели к формированию норм действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Хотя в научной литературе нередко высказывалось мнение о необходимости дифференциации доказательств на прямые и косвенные, первичные и производные, подкрепляемое обоснованными выводами, но законодателем указанные доводы не были восприняты, и УПК РФ не содержит какое-либо подразделение доказательств на виды и не регулирует производные доказательства в должной мере.

Во втором параграфе «Толкование понятия «производное доказательство» в уголовно-процессуальной теории XX-XXI веков» автором анализируется понятие, роль и место производных доказательств в российском доказательственном праве. Сложность природы производных доказательств, а равно неопределенность их правового регулирования приводят к тому, что некоторые авторы ссылаются в своих работах на советскую уголовно-процессуальную теоретико-практическую базу, которая, вряд ли, отражает современную правовую действительность.

В работах Громова Н.А., Полунина С.А., Курушина С.А. предлагается рассматривать производные доказательства как доказательства, которые отразили на себе устанавливаемые обстоятельства опосредованно, т.е. через какое-либо другое доказательство или иной носитель информации, не вовлеченный в уголовный процесс. Общей чертой научных исследований, а также выводов судебно-следственной практики, посвящённых вопросу производных доказательств, является формулирование вывода о том, что такие доказательства

менее достоверны, чем первоначальные, что объясняется пропуском звена познания, либо опасностью трансформации, искажения, фальсификации сведений, на основе которых будут формироваться доказательства, а затем определяться виновность или невиновность лица, необходимость избрания меры пресечения и т.п.

По источнику формирования различаются доказательства первоначальные, то есть те фактические данные, которые установлены из источника, непосредственно воспринимавшего (отражавшего) исследуемое обстоятельство (показания свидетеля-очевидца, вещественное доказательство — орудие преступления), и производные данные, установленные из всех других источников (факты, о которых свидетелю стало известно со слов другого лица, признаки следа, отобразившиеся в его копии).

Автором обосновывается вывод о том, что специфика сущности производных доказательств затрудняет их использование, порождает сложности в их оценке, в связи с чем деление доказательств на первоначальные и производные осуществляется по критерию соотношения доказательства и доказываемого факта.

Некоторые ученые (А.С. Александров, Р.А. Бостанов) справедливо отмечают, что производное доказательство можно рассматривать через призму понятия факта, а именно: это информация, неоднократно проинтерпретированная несколькими субъектами, то есть по сравнению с первоначальным доказательством субъективный интерпретационный фактор в нем присутствует в большей степени. К аналогичным выводам приходят А.Г. Кучерена, М.Н. Москаленко при анализе производных доказательств в контексте принципов непосредственности и устности судебного разбирательства при осуществлении правосудия.

Принцип непосредственности не запрещает суду пользоваться производными доказательствами (при отсутствии первоначальных), однако он не вправе прибегать к производным доказательствам при наличии первоначальных. Практическое значение классификации доказательств на производные и

первоначальные состоит в том, что она ориентирует практических работников на получение доказательств, прежде всего, из первоисточников.

На основании исследования научной литературы в работе раскрывается гносеологическая сущность производного доказательства как формируемого опосредованием первоначального доказательства при передаче информации от одного носителя к другому.

Обобщая полученные результаты при анализе вышеуказанных теоретических особенностей производных доказательств в российском судопроизводстве в сопоставлении с определением производных доказательств “Hearsay”, в работе обосновывается вывод, что большинство производных доказательств, которые встречаются в правоприменительной практике Российской Федерации и описаны в отечественной научной литературе, по своей правовой природе и познавательной сущности могут быть сопоставлены доказательствам “Hearsay”. К таковым относятся показания лиц, содержащие сведения, полученные от других лиц, а также, заключения, справки и иные письменные документы, аудио- и видеозаписи, содержащие сообщения, высказывания, заявления или утверждения лиц, полученные на досудебной стадии уголовного судопроизводства, зафиксированные в протоколах следственных и иных процессуальных действий.

В третьем параграфе «Показания свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого как производные доказательства» раскрывается сущность показаний как сведений, сообщенных участником уголовного процесса в ходе производства следственного или судебного действия. Такие сведения являются результатом чувственного восприятия лицом события преступления, иных значимых для уголовного дела обстоятельств. Их формирование осуществляется посредством субъективного познания фактов, событий, явлений, имевших место в объективной действительности.

В работе формулируется вывод о том, что нормы, регулирующие использование в качестве производных доказательств показаний свидетелей – неочевидцев, данных со слов потерпевшего или иного участника процесса,

образуют правовой институт, основанный на правиле недопустимости сведений, источник которых не может быть проверен (ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

Действующие нормы УПК РФ содержат лишь формальные критерии их оценки как производных доказательств. Так, в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ указано, что к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности.

Практика использования в российском уголовном судопроизводстве производных доказательств показывает, что в настоящее время отсутствует единый системный подход к оценке производных доказательств и проверке сведений, полученных «с чужих слов». На практике существует несколько подходов к оценке подобного рода доказательств. Одни суды приходят к выводу о том, что такие доказательства являются недостоверными, т.к. они могут исказить фактические данные, содержащиеся в первичных доказательствах, либо недопустимыми, т.к. не может быть надежно проверен источник осведомленности лиц, которые не были непосредственными очевидцами, сообщают сведения, полученные «с чужих слов», либо они не были решающими при установлении вины подсудимого. При рассмотрении других дел, суды приходят к противоположному выводу, что производные доказательства помогают выявлять и проверять первичные доказательства, однако такие доказательства должны отвечать формальным требованиям п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ. Очевидно, что в силу развиваемой мировым опытом тенденции использования объективных и надежных доказательств, показания, полученные «с чужих слов», по общему правилу (если источник осведомленности не может быть установлен) не могут быть признаны доказательствами, отвечающими требованиям действующего уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, дача свидетелем в судебном заседании показаний о фактах и обстоятельствах, непосредственным очевидцем которых он не являлся, фактически лишает сторону защиты права на «перекрестный» (с учетом норм действующего УПК РФ) допрос выступающего свидетеля (ввиду того, что его знания о фактах и обстоятельствах ограничены), а

также лишает стороны права на допрос свидетеля (потерпевшего), являющегося источником первоначальных сведений.

Тем не менее, проведенное исследование показывает, что категорический запрет на использование показаний, полученных «с чужих слов», в качестве доказательств может лишить суд, в ряде случаев, важных сведений, если их невозможно получить из первоисточника (например, в случае смерти очевидца происшествия). При рассмотрении некоторых уголовных дел в суде данные, содержащиеся в сведениях, полученных «с чужих слов», приобретают ключевое значение, в частности, если утрачено первоначальное доказательство. При этом особое значение приобретает оценка не только допустимости самого производного доказательства, но и его достоверности в сопоставлении с иными собранными по делу доказательствами.

В четвертом параграфе - вещественные доказательства, протоколы следственных и иных действий, результаты оперативно-розыскной деятельности и «иные» документы как производные доказательства рассматриваются одновременно ввиду общности относящихся к ним дискуссионных положений уголовно-процессуальной науки и спорных вопросов правомерности использования в доказывании по уголовному делу копий при отсутствии, уничтожении или утрате оригиналов.

В работе обосновывается вывод о том, что прецедентная практика Европейского Суда по правам человека, применяя англосаксонскую модель “Hearsay”, расширительно толкует термин «свидетель», подразумевая под ним, не только свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, но и документы, запечатлевшие на материальном носителе фактические данные в форме устного сообщения или письменного высказывания.

С производными доказательствами категории “Hearsay” соотносятся иные документы, вещественные доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, содержимое которых представляет собой текст (устный, письменный), созданный человеком, в том числе сохраненный в электронном виде. Если документы приняты для доказывания истинности содержащихся в них

заявлений, представившее их лицо должно привести обстоятельства, свидетельствующие о том, что утверждения, содержащиеся в документах, заслуживают доверия, и документы должны быть подлинными или удостоверенными аутентичными копиями.

В пятом параграфе «Заключение (показания) эксперта и показания (заключение) специалиста как производное доказательство» рассматриваются дискуссионные вопросы отнесения заключения (показаний) эксперта и показаний (заключения) специалиста к производным или первоначальным доказательствами. Автор исследует возникающие на практике ситуации, когда означенные доказательства могут оказаться недопустимыми, относясь к категории «Hearsay».

Используя подходы, сформированные Европейским Судом по правам человека с опорой на англосаксонскую модель производных доказательств «Hearsay», в работе обосновывается ряд выводов:

- если сторона защиты пригласила специалиста, который обладает необходимыми специальными знаниями и удовлетворяет другим требованиям, предъявляемым к экспертам, то такого специалиста необходимо допустить к участию в судебном разбирательстве на тех же условиях, что и эксперта;

- если экспертом дано заключение на предварительном следствии, однако эксперт не был допрошен в судебном заседании, то судебное разбирательство может быть признано несправедливым в связи с нарушением подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года;

- письменное заключение эксперта, данное на предварительном следствии, может быть признано недопустимым доказательством, если эксперт, будучи официально вызванным, тем не менее по неуважительной причине не явился в суд для разъяснения заключения и для дачи ответов на вопросы сторон. В данном случае, обоснованием ходатайства стороны защиты о признании данного заключения эксперта недопустимым доказательством либо о необходимости допроса эксперта могут быть доводы, основанные на заключении специалиста,

который явился в суд и заявил о нарушениях, допущенных экспертом, которые могли привести к ошибочным выводам.

В заключении данной главы автор делает вывод о том, что подходы к оглашению показаний не явившегося в судебное заседание свидетеля при разрешении спорных вопросов оценки производных доказательств категории “Hearsay” могут быть распространены и на иные виды производных доказательств, содержащих сведения, полученные со слов участника процесса.

Третья глава «Совершенствование правового регулирования производных доказательств в уголовном судопроизводстве России» не содержит параграфов. На основе изучения и обобщения прецедентной практики Европейского Суда по правам человека в части соответствия процедуры использования производных доказательств пункту 1 и подпункту “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года, а также анализа действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, судебной практики в контексте указанных правовых позиций Европейского Суда по правам человека в работе определены существующие законодательные пробелы и трудности правоприменения при исследовании производных доказательств, получаемых со слов допрашиваемого лица в ходе судебного разбирательства уголовного дела.

Автором сформулированы предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также по совершенствованию правоприменительной практики, с учетом законодательных новелл, выраженных во внесении изменений в ст. 281 УПК РФ.

Изучение прецедентной практики Европейского Суда по правам человека позволило автору обосновать вывод о том, что критерии трехэтапной оценки производных доказательств («уважительности» непредставления в судебном заседании первоисточника доказательства; «единственного и/или решающего производного доказательства», положенного в основу обвинительного приговора; «наличия эффективных, уравнивающих производное доказательство факторов») должны учитываться по каждому делу не отдельно, а в совокупности,

поскольку только их разумная сбалансированность будет свидетельствовать об отсутствии нарушения государством прав обвиняемого, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

Несмотря на существующее принципиальное различие правовой системы российского уголовного судопроизводства и уголовного судопроизводства стран англосаксонского права, где зародилось и продолжает существовать правило недопустимости в качестве доказательств показаний с чужих слов (“Hearsay”), в работе делается вывод о возможности формирования единого подхода к оценке такого рода доказательств на основе толкований в прецедентной практике Европейского Суда по правам человека положений пункта 1 и подпункта "d" пункта 3 статьи 6 Конвенции.

Поскольку правовая сущность англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” заключается в запрете использования в доказывании сведений, полученных не из первичного источника, по причине их заведомой ненадежности, что может привести к осуждению невиновного в связи с введением суда в заблуждение относительно правдивости содержащихся в таких доказательствах сведений, можно говорить о соотношении ее в этом смысле с назначением российского уголовного судопроизводства, заключающемся в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Частичное использование элементов англосаксонской модели производных доказательств “Hearsay” в российском судопроизводстве возможно как в правоприменительной практике при мотивировании судом принимаемого решения с опорой на правовую позицию Европейского Суда по правам человека либо через дополнение положений уголовно-процессуального закона, регламентирующих исключение из процедуры судебного разбирательства производных доказательств по причине несостоятельности источника, сомнительности обстоятельств происхождения доказательства, а также, когда проверка исходных данных при их производности в условиях судопроизводства невозможна.

Применение в Российской Федерации правил, сходных с англосаксонской моделью “Hearsay”, возможно только при рассмотрении уголовного дела в суде первой и апелляционной инстанций ввиду того, что на стадии предварительного расследования невозможно обеспечение состязательности процесса, а все материалы уголовного дела стороне защиты предоставляются только после окончания производства всех следственных действий (то есть после фактического завершения расследования).

В силу нахождения Российской Федерации в юрисдикции Европейского Суда по правам человека подходы российских судов к допустимости производных доказательств должны осуществляться с учетом выработанных в практике Европейского Суда по правам человека единых подходов к допустимости и достоверности доказательств, полученных из вторичных источников, во избежание нарушения прав, гарантированных пунктом 1 и подпунктом “d” пункта 3 статьи 6 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года.

Возможность использования англосаксонской модели “Hearsay” в российском уголовном судопроизводстве может рассматриваться только с позиции европейского стандарта в области прав и свобод человека, гарантирующего, каждому при предъявлении ему любого уголовного обвинения, права на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом.

Только в этом аспекте можно говорить о критериях оценки допустимости производных доказательств, полученных «со слов», с учетом оценки достоверности и состоятельности их первоисточника, достаточности совокупности всех собранных по делу доказательств для разрешения уголовного дела, наличия процессуальных гарантий для их оспаривания сторонами.

В заключении автор подводит итоги исследования, определяет возможные направления дальнейшей научной разработки поднятых в диссертации проблем.

В приложении, в форме таблицы, приведены основные постановления Европейского Суда по правам человека, вынесенные в отношении Российской

Федерации, по которым рассматривался вопрос оглашения показаний свидетеля, потерпевшего, эксперта, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, и Европейским Судом по правам человека сформулированы выводы о нарушении Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 04 ноября 1950 года.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК Минобрнауки России

1. *Галяшин, Н.В.* Показания с чужих слов как производные доказательства в истории уголовно-процессуального права России и стран англосаксонского права / Н.В. Галяшин // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2014. – № 8. – С. 84 – 88. – 0,5 п.л.
2. *Галяшин, Н.В.* О применимости англосаксонской модели производных доказательств (Hearsay) в практике современного уголовного судопроизводства / Н.В. Галяшин // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2014. – № 12. – С. 88 – 94. – 0,75 п.л.
3. *Галяшин, Н.В.* Процедура использования свидетельских показаний в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи и производные доказательства в современном уголовно-процессуальном праве / Н.В. Галяшин // *Актуальные проблемы российского права.* 2014. – № 10. – С. 2279 – 2283. – 0,5 п.л.
4. *Галяшин, Н.В.* Проблемы правового регулирования и оценки производных доказательств в аспекте перспективы введения в уголовный процесс института установления объективной истины / Н.В. Галяшин // *Адвокатская практика.* 2015. – № 1. – С. 30 – 33. – 0,35 п.л.

Иные публикации

5. *Галяшин, Н.В.* Правило о недопустимости показаний с чужих слов (Hearsay) в англо-саксонском праве: историко-правовой аспект [Электронный ресурс] / Н.В. Галяшин // *Ломоносов-2014: Материалы Международного молодежного научного форума [Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов].* – М.: МАКС Пресс, 2014. – 0,15 п.л.

6. *Галяшин, Н.В.* Оценка производных доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и зарубежных стран / Н.В. Галяшин // Традиции и новации в системе современного российского права. Сборник тезисов XIII Международной научно-практической конференции молодых ученых. – М., 2014. – С. 371–372. – 0,1 п.л.

7. *Галяшин, Н.В.* Оценка производных доказательств в уголовном судопроизводстве и возможности судебных экспертиз / Н.В. Галяшин Судебная экспертиза: Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 15-16 января 2014 г.) – М.: Проспект, 2014. – С. 59 – 60. – 0,1 п.л.

8. *Галяшин, Н.В.* Возможности судебных экспертиз при оценке показаний, данных с «чужих слов» / Н.В. Галяшин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: Материалы V Международной научно-практической конференции (г. Москва, 22-23 января 2015 г.) – М.: Проспект, 2015. – С. 130 – 131. – 0,1 п.л.

9. *Галяшин, Н.В.* Использование специальных знаний для оценки достоверности показаний, данных с «чужих слов» / Н.В. Галяшин // Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее: Материалы VII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». – В 2 кн. – Кн.2. – М.: Проспект, 2015. – С.165 – 167. – 0,1 п.л.

10. Криминалистическое изучение личности научно-практическое пособие для магистров / А.Г. Бедрезов, Т.С. Волчецкая, Н.В. Галяшин [и др.] отв. ред. Я.В. Комиссарова. — М.: Проспект, – 2016. – С. 46 – 76. – 0,3 п.л.